

Формирование национальной идентичности: онтология культурного контекста и управление

Н. В. Тихомиров

кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-2808-3763. E-mail: tihomirov_n@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию онтологических оснований формирования национальной идентичности в современном массовом обществе. Актуализован комплекс проблем, связанных с развитием представлений о сущности нации как культурного феномена и субъекта политического процесса, целях и задачах социального управления. Рассмотрены вопросы формирования национальной идентичности, структурные и содержательные основания данного процесса. Произведен системный анализ понятий «культура», «идентичность» и «нация» в их соотносительности с указанными задачами. Раскрыто содержание категории «бытийный (онтологический) разрыв» как отражающей фундаментальные противоречия, лежащие в основе складывания социально-политических общностей (гражданских наций). Проанализирована сущность культуры как посредника в преодолении коренных противоречий индивидуального и коллективного бытия. Выделены и рассмотрены основные ступени становления национальной идентичности в контексте выстраивания дискурсивных моделей и смыслового насыщения основообразующих категорий национальной культуры. Показаны ключевые аспекты процесса содержательного наполнения поля национальной идентичности как продукта сложной культурной эволюции. В основу работы положены принципы междисциплинарного исследования, привлечены методы и положения системного философского анализа, социальной философии, культурной и социальной антропологии, дискурсивного анализа. Представленные выводы призваны послужить углублению научного понимания и теоретического осмысления проблем управления гуманитарной сферой в современном обществе. Результаты исследования могут быть использованы в качестве задела для последующих изысканий в области социальной и политической философии, культурологии и социальной антропологии, а также для выработки стратегий и практических рекомендаций в части обеспечения прикладных задач социального и культурного управления.

Ключевые слова: бытийный разрыв, дискурс, идеология, культура, национальная идентичность, управление.

Введение. Текущее состояние международных отношений, а равно положение дел внутри отдельных стран содержит отчетливые признаки усиливающейся социально-политической турбулентности, растущей разупорядоченности (энтропии) внутри национальных и региональных структур. Существующая мир-система находится в преддверии больших потрясений и сопутствующих крупных перемен во всех сферах общественных отношений – политической, экономической, социальной, духовной. Результатом грядущих преобразований ожидаемо станет кардинальная перестройка большого числа микро- и макропараметров, определяющих развитие мира в целом и отдельных его частей.

Россия в настоящий момент пребывает в эпицентре масштабного геополитического конфликта, имеющего как выраженные глобальные, так и отчетливо прослеживаемые региональные черты. При этом наша страна как активный субъект разворачивающихся событий выступает в качестве мощного аттрактора, обладающего существенным потенциалом влияния на выстраивание конфигурации предпосылок посткризисного миропорядка. В этой связи заслуживает отдельного внимания вопрос о внутреннем состоянии самой страны, точнее – о том, как в нынешних условиях стремительного удаления от состояния равновесия будут изменяться содержание и характер всех форм общественного взаимодействия.

Духовно-нравственной ситуации в российском обществе присущи отчетливо наблюдаемые признаки девальвации системы культурных установок и ценностных представлений, содержательно оформившихся еще в раннюю постсоветскую эпоху. Изначально слабая устойчивость этих идейных форм, обусловленная во многом перипетиями социально-экономического характера и противоречиями внешнеполитической обстановки, создала предпосылки для растущего общественного запроса на их основательный пересмотр [13, с. 175]. Потому

является вполне закономерной назревшая сегодня потребность глубокой ревизии существующей матрицы общественного сознания и ее перестройки на качественно новых основаниях. Одним из важнейших звеньев организации современной системы общественных отношений выступает национальная идентичность, служащая несущей конструкцией национального самосознания. Комплекс представлений о национальной идентичности логически и содержательно связан с такими категориями социально-политической действительности, как: нация, национальный интерес и – что особенно важно – национальная безопасность. В данном контексте коллективная национальная идентичность функционально соединяется с процессом целеполагания в рамках стратегического управления, а также способствует мобилизации общества, что является необходимым условием успешного осуществления управленческих инициатив государства.

Сказанное позволяет утверждать о высокой степени актуальности и стратегической значимости изысканий, нацеленных на разработку теоретической модели, служащей организации прикладной работы по конструированию системы идентичности с ее последующим закреплением на уровне общественного сознания.

Постановка проблемы. В настоящей статье производится общий анализ культурно-философских оснований национальной идентичности общества современного типа. Такой анализ позволит прояснить и артикулировать важнейшие начала и закономерности в процессе формирования и функционирования национального самосознания как сложной синергетической системы.

Утверждение идентичности в качестве объекта целенаправленного управляющего воздействия требует раскрытия сущности данного объекта, посредством чего могут быть поняты онтологические основы, принципы и закономерности его существования и развития. Только при условии такого понимания возникает возможность осуществлять управляющее воздействие с достаточной степенью эффективности. Потому данное исследование направлено к выяснению, обобщению и систематизации теоретических представлений о национальной идентичности как социально-культурном феномене. Полученные выводы призваны послужить методологической основой для выработки конкретных методик, направленных на решение прикладных задач в области социально-культурного управления.

Методология. Исследование построено на началах межпредметности. Характер решаемых задач требует задействования в сочетании подходов и приемов, свойственных общей философской теории, социальной и политической философии, культурной и социальной антропологии, теории дискурсивного анализа.

Результаты исследования. Как отмечал К. Хюбнер: «Идентичность нации является столь же необходимым практическим постулатом человеческого общежития, как и идентичность индивидуального лица» [19, с. 292]. Идентичность проявляется в особой модальности осознания индивида и переживается им как устойчивая сопричастность определенному сообществу. Она, следовательно, предполагает не простое провозглашение коллективной принадлежности, но деятельное принятие того, что составляет содержание, то есть идейно-психологическое наполнение социальных отношений внутри конкретного коллектива. Это содержание по наитию воспринимается человеком через совокупность коренных понятий (категорий), отражающих важнейшие, в его понимании, стороны общественного бытия. Э. Канетти говорит в этой связи о «массовых символах», с которыми человек ощущает свою связанность в наибольшей мере [11, с. 185]. Таким образом, индивидуальное сознание воспринимает (осваивает) заданный идейный конструкт, представляющийся элементом своего рода фрактала в масштабах общественного сознания (а равно общественного бессознательного).

Поскольку идентичность является культурным феноменом, имеет смысл предварительно коснуться вопроса о сути самой культуры с тем, чтобы иметь предпосылки полноценного понимания обсуждаемого предмета, его функциональной значимости в общественной жизни.

Человеческое бытие, единичное и общественное, осуществляется в ходе целенаправленной деятельности, необходимым условием которой служит наличие опредмеченной действительности. При этом существование биологического рода homo неизбежно сопряжено с неустранимым присутствием в жизни каждого индивида того, что мы склонны назвать бытийным (или онтологическим) разрывом. Это исходное состояние субъекта в его отношении к окружающей действительности, которое характеризуется их принципиальной нетождественностью и создает фундаментальное противоречие, служащее первопричиной социально-культурного становления человека. В ходе исторического развития человек складывается

как самосознающая сущность, что равно справедливо и для всего общества. Самосознание задает качественную определенность индивидуального и коллективного субъекта. Этому логически предшествует состояние когнитивного разрыва между субъективным сознанием, отражающим действительность, и самой наличной действительностью (ситуация разобщенности индивидуально-субъективного бытия и бытия объективного). Общей эволюционной предпосылкой такого положения является отсутствие у представителей рода homo биологически обусловленных программ поведения, то есть базовых представлений о том, каким образом и способами возможно благоприятное взаимодействие с окружающим миром.

Ф. Ницше выразил идею бытийного разрыва в известном образе: «человек – это канат, закрепленный между зверем и сверхчеловеком, – канат над пропастью» [15, с. 34]. Ницшеанская рефлексия коренных проблем человеческого бытия в своеобразной, но по-своему точной форме отразила понимание разъединенности сознания и природы, духовного и материального начал существования индивида. Такая разъединенность означает принципиальную невозможность непосредственного осуществления человеком своих жизненных задач, то есть обеспечения насущных потребностей, ранее всего – физиологических. Бытийный разрыв, обусловленный самой человеческой природой, предполагает обязательное наличие опосредующей инстанции, которой он функционально восполняется и отчасти устраняется. В качестве таковой выступает культура как специфический продукт социальной эволюции.

Культура исторически сложилась как следствие диалектического взаимодействия человека с окружающей средой: преобразующее воздействие его трудовой деятельности на природное окружение создавало и создает предпосылки непрерывного преобразования самого человека, то есть эволюции социальных отношений, всецело определяющих его жизнедеятельность. Таким образом, бытийный разрыв, характеризующий человеческое существование, тесно сопряжен как с самой возможностью культуры, так и с перспективами ее поступательного развития. В основе системы культуры лежат функционально устойчивые самовоспроизводящиеся конструкции, в которых закрепляются и сохраняются эволюционно приобретенные формы поведения. По определению К. Гирца, культура есть «набор контрольных механизмов – планов, рецептов, правил, инструкций <...> управляющих поведением» [7, с. 56]. Речь идет об особом способе небиологического обеспечения базовых (или «инстинктивных», по выражению А. Маслоу [14, с. 180–181]) потребностей человека. Будучи по природе общественным существом, человек способен удовлетворять названные потребности лишь в рамках коммуникации, с опорой на механизмы культуры, для чего последняя создает ряд необходимых условий. По заключению Я. Ассмана, «каждая культура образует нечто, что можно назвать “коннективной структурой”. Она действует соединяющим, связующим образом, причем в двух измерениях – социальном и временном <...> она связывает человека с современниками, образуя общее пространство опыта, ожиданий и деятельности, чья связующая и обязующая сила устанавливает взаимное доверие и возможность ориентации» [3, с. 15].

Культура представляет собой пространство, в котором осуществляется диалектическое взаимодействие смыслов и ценностей. Это взаимодействие, характеризующее известной мерой устойчивости, задает систему нравственных координат, обеспечивающую предпосылки для деятельностного осуществления человеческого бытия. Подключение к такой системе (инкультурация) и определяет становление идентичности субъекта как решающей предпосылки его осмысленного поведения.

Не вдаваясь в сверхсложную механику культуры как своеобразной среды человеческого бытия, выделим набор ведущих функций культуры, с точки зрения обеспечения насущных потребностей ее носителя. Таковы функции: 1) понимания, 2) осмысления, 3) оценивания, 4) целеполагания и 5) орудийно-прикладная функция. Приведенная классификация в самом общем приближении необходима нам для выявления и констатации функциональной связки между представлениями о социальном бытии, общественном сознании, национальной идентичности и возможностями успешного регулятивного воздействия на нее.

Остановимся подробнее на проблеме смыслов, а именно – их орудийной значимости для человеческого существования. Г. П. Щедровицкий предлагал рассматривать смыслы как функциональные элементы систем деятельности [20, с. 556]. Такой подход видится нам наиболее правильным. Смыслы не являются частью наличного бытия или его атрибутами, а выступают продуктом интеллектуального освоения действительности человеком, плодами диалога сознания с миром как познаваемой объективной данностью. Смыслотворчество служит связкой для трансцендентного и трансцендентального, каналом коммуникации человека

с материальным природным окружением. От этого первичного культурно-психологического конструкта выстраивается последовательность операций, задающих порядок осуществления человеческого бытия как деятельности – от житейских поступков до крупных начинаний. Цепочку названных операций можно представить в следующем виде: осмысливание – оценивание – целеполагание – действие. Первая ступень в этом процессе, осмысливание, служит начальным шагом в преодолении бытийного разрыва путем насыщения противостоящей человеку действительности внутренним содержанием. Герменевтическая деятельность субъекта, «разгадывающего» такое содержание в доступном сочетании эмпирических данных, носит зачастую чисто интуитивный характер. В этом проявляется важнейшая потребность человека – потребность в истине, стремление к которой мы можем наблюдать на самом элементарном поведенческом уровне. Смыслы снабжают рассудок устойчивым знанием о мире, которое наитием воспринимается как истина. Это выражается в произвольном отождествлении смыслов как идеальных конструкций в сознании с познаваемой областью вещественно-наличного бытия. Таким образом, посредством смыслополагания человек создает системы опорных точек, своего рода аттракторов, посредством которых задается картина мира как сложная функция с большим числом переменных.

Производной от конкретного содержания смысловых конструктов является операция оценивания. Смыслы, рождаемые работой сознания, служат субстратом для формирования представлений о значимости явлений, отношений, состояний и так далее. Наличие таких представлений становится основанием для последующего целеполагания. Его суть состоит в изобретении образа действительности, развернутого в будущее. В отсутствие биологически предопределенного набора поведенческих алгоритмов целеполагание становится важнейшим узлом в структуре поведенческих практик, переводя бессознательные потребности человека в рационально обусловленные поступки.

Генетически заданные программы поведения в живой природе запускаются посредством сугубо соматических факторов, в то время как человеческое поведение требует особой, экстрасоматической надстройки в виде системы культуры. Основоположник науки культурологии Л. А. Уайт ввел понятие «символатов», которые определял как «предметы и явления, зависящие от способности человека к символизации» [2, с. 22]. Тем самым исследователь подчеркивал нетождественность явлений наглядно-чувственного окружения тем представлениям, которые человек соотносит с ними и которыми оперирует при решении жизненных задач. Таким образом, орудийно-прикладная функция культуры имманентна системе символических отношений, составляющих содержание конкретной культуры.

Указанная система имеет многоуровневую концентрическую структуру и обладает свойствами открытости и динамичности. При этом интенсивность происходящих в ней изменений снижается от периферии к ядру. Таким образом, некоторые смыслы и символы в диахроническом измерении отличаются высокой степенью устойчивости и могут воспроизводиться без существенных отклонений на протяжении длительного времени.

Приведенные соображения в равной мере справедливы как для индивидуального, так и для коллективного субъекта деятельности, каковым является нация. Однако последняя обладает качественной спецификой, не сводимой к простому соединению множества индивидуальных интересов, соображений и побуждений. Так, Б. Андерсон определил нацию как «воображаемое политическое сообщество», которое представляется «как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [1, с. 59]. Нация не выводима из биологических предпосылок. Она не обладает вещественной сущностью, но мыслится как сущее, будучи объектом идеальным, существующим в области общественного сознания. Таким образом, говоря о нации, мы имеем дело не с материальным субстратом, а с комплексом идеальных представлений (национальной идеей), который принадлежит ядру мировоззренческой системы общества и служит важным компонентом в опорной конструкции его культуры.

Определяющим свойством национальной идеи, как любого идеального конструкта, является виртуальность: нация существует в непрерывном становлении, осуществляет себя как возможность (sic!) или – если угодно – непрерывный политический проект. Подобно отдельной личности, нация претворяет себя из бытия возможного в наличное бытие посредством деятельности, длящегося коллективного акта, обуславливаемого соответствующим целеполаганием. Но в отличие от индивида с его житейски-бытовыми установками, это целеполагание – политическое. Нация мыслится в контексте всемирно-исторического процесса, а потому неотделима от идеи государства. В общественном сознании такая связка зачастую содержится имплицитно, вне чет-

кой артикуляции, из-за чего на уровне обывательского дискурса названные сущности могут разделяться и даже противопоставляться, что не должно вводить в заблуждение.

Национальная идентичность включает подсистемы, образуемые динамическими множествами идейно-нравственных представлений, в числе которых – представления об отечестве, народе, стране и так далее. Каждый из этих культурно-психологических конструктов производит набор идентификаторов, описываемых соответствующими категориями (и закрепленных в совокупности культурных прообразов). Данные категории принадлежат ядру национальной культуры и, следовательно, как было указано выше, в наименьшей мере подвержены изменениям. В то время как образы и формы, служащие развертыванию их содержания в предметно-чувственном виде, закрепляются в системе культуры на уровнях, в разной степени удаленных к периферии, а потому более подвержены трансформациям в диахроническом отношении. В этой связи можно говорить об известной функциональной зависимости категорий национального сознания от знаков и символов культуры, выступающих в качестве переменных, опредмечивающих указанные категории. Поэтому идейно-нравственные структуры, задающие национальную идентичность, можно трактовать также как странские аттракторы, то есть притягивающие множества «с хаотической компонентой» [5, с. 66].

Национальная идентичность целенаправленно конструируема, что хорошо показывает, например, опыт национального строительства в СССР [18] и на постсоветском пространстве [4]. Гуманитарно-политическая программа большевиков предполагала формирование и насаждение национального сознания там, где его не было прежде; либо осуществлялось настойчивое вытеснение прежних форм национального сознания новыми, нарочито заданными сообразно провозглашенным целям социально-культурного развития. Аналогичные процессы наблюдаются сегодня в бывших союзных республиках. Созидаемые формы национальной идентичности закрепляются в массовом сознании посредством языка, самоназвания, исторической памяти, политической символики и так далее. Отдельно заметим, что в условиях постмодерна и широкой информатизации резко возрастает количество субъектов, имеющих влияние на формирование общественного сознания. Информационная революция последней трети XX в. поколебала централизованную систему общественных коммуникаций, основанную на технологической монополии государства, создав условия для появления большого числа автономных структур культурного влияния.

Первым шагом на пути национального строительства становится провозглашение и последовательное утверждение наличного бытия некой национальной общности. Такое бытие непреложно должно обладать исторической глубиной (в большей мере стихийно угадываемой, нежели рационально выводимой из массива исторических фактов), быть подкреплено и фундировано исторической памятью. Потому в число первейших задач творцов культурной политики входит обязательное «отыскание» нации в толще всемирного исторического процесса. Не случайно гуманитарная политика постсоветских республик в значительной мере сосредоточена вокруг проблемы конструирования исторической памяти [10]: обретение политической субъектности (со всеми уместными оговорками) и духовная сепарация от общего духовно-нравственного пространства потребовали «изобретения» ментальных оснований существования национальных государств.

Следующим шагом в деле национального конструирования становится определение конкретных параметров данной общности – атрибутов, сообщающих ей самобытное своеобразие. Облик национальной идеи рождается в сложном переплетении культурных форм, исторической памяти, политических концепций и так далее. Этому сопутствует неизбежное сопоставление и противопоставление ее другим общностям. Умозрительная дихотомия «мы – они» задает диспозицию для определения ключевых параметров социальной группы. Она имманентна утверждению общности как отдельного, суверенного субъекта истории. Вариантом такой дихотомии является дуальная конструкция «свой – чужой» (или усложненная «свой – чужой – другой»). Обе оппозиции на фундаментальном уровне заложены в ядро всякой культуры.

Таким образом, нация обнаруживает себя в прошлом, утверждает в настоящем и проектирует в будущее. Здесь мы, конечно, допускаем некоторую вольность, говоря о нации как субъекте воли и практики, понятом по аналогии с человеческой индивидуальностью. В действительности указанные выше процессы куда более сложны, нелинейно-стохастичны и предполагают вовлечение большого множества действующих субъектов. Национальное бытие рождается синергетическим взаимодействием самых разнообразных инстанций, находящихся на разных системных уровнях общественной организации: от неформальных объединений до высших органов политического руководства.

Становление в эпоху модерна массовых обществ и, как следствие, появление массовой культуры и массовой политики предопределили ведущую роль государства в деле национального строительства. За истекшие полтора столетия значение управляющей деятельности государства в данной области не только сохранилось, но значимо возросло (сообразно усложнению социально-экономической структуры общества, а также умножению внутренних и внешних вызовов). В свою очередь, увлечение теориями сплошного разгосударствления общественной жизни, особенно в части идейно-воспитательного воздействия, успело подтвердить свою несостоятельность. Радикальная эмансипация массового сознания неизбежно приводит к вырождению здорового плюрализма в идейно-нравственную неопределенность с последующей декомпозицией и деконструкцией всей социальной сферы. Что, конечно, не говорит о необходимости монополизации государством области национального строительства. Однако наличие ресурсного потенциала, на порядки превышающего таковой у прочих участников социального взаимодействия, делает государство мощнейшей инстанцией, способной реализовать управляющее воздействие во всех областях социальных отношений и комплексно обеспечивать устойчивое развитие общества.

Итак, национальная идентичность осуществляется как политическое самоопределение общества в системе конкретных культурных координат. Как отмечалось выше, одна из базовых потребностей человека состоит в отыскании истины с целью закрепления смысловой основы индивидуального бытия. То же происходит на уровне самоопределения нации, установления семантических границ воображаемого «мы». Общественное сознание неявно включает набор вопросов, побуждающих к постоянной актуализации групповой идентичности. Главнейшие из них суть: Кто мы? В чем состоит наше самобытное своеобразие? Каково наше место во всемирно-историческом процессе? На что мы как общность имеем право? Какова наша цель (миссия) в контексте всемирной истории? Ответы на данные вопросы имплицитно содержатся в идеологемах, образующих структуру национальной идентичности.

Экспликация и формальное закрепление ответов на указанные вопросы происходит на уровне идеологии, которая переводит неявные (мерцающие) смыслы в строгую систему формализованных символов. Суть идеологии не в пассивной регистрации некой сложившейся данности, но в конструировании действительности во всем многообразии ее подсистем. Идеология направлена к формированию системы социальных диспозиций, которая в теории П. Бурдьё описывается понятием габитуса [6, с. 102]. Созвучные положения представлены в концепции структурной антропологии К. Леви-Стросса, отмечавшего, что наряду с тем, «что мы предлагаем называть системой наименований (и что образует, в сущности говоря, систему терминов), существует другая система, являющаяся одновременно психологической и социальной, которую мы называем системой установок» [12, с. 39].

Следовательно, в структуре идеологии воплощается рассмотренный ранее алгоритм социального поведения «осмысливание – оценивание – целеполагание – действие». Как правило, конкретный образ действия редко предписывается или вовсе отсутствует в идеологической схеме. Однако система наглядных представлений, насаждаемых ею же в общественном сознании, содержит набор поведенческих образцов, соотносящихся с ценностными и целевыми установками идеологической парадигмы. В итоге общество обретает понимание координат национального развития с должной степенью наглядности и дискурсивной определенности. Идеология артикулирует и канализует устремления людей, конструируя внятный образ будущего. Диалектика национального бытия выражается в том, что идентичность нации одновременно конституируется в настоящем и проецируется в будущее. В ходе актуализации целей национального развития снимается противоречие, проистекающее из сущности бытийного разрыва, который, как отмечалось выше, исходно характеризует индивидуальное и коллективное бытие. Вместе с тем идеология служит условием и элементом прикладной деятельности в области социально-культурного управления. Цели, сформулированные управляющей инстанцией, требуют быть инкорпорированными в структуры общественного сознания, как на уровне словесно-наглядных установок, так и на уровне интуитивных знаний архетипического порядка.

А. Я. Гуревич подметил, что в каждую эпоху люди вырабатывают картину мира, которой руководствуются в повседневной жизни и которая служит отражением их самосознания. Постигание конкретной культуры исследователь предлагал осуществлять посредством «анализа отдельных ее категорий и в раскрытии их смысла как элементов единой социально-культурной системы» [8, с. 8]. Именно эти категории следует иметь в виду при выработке

управленческой стратегии, призванной моделировать национальную идентичность. При этом, как было показано ранее, категориальный аппарат национального дискурса служит лишь внешним выражением для содержания динамичных смысловых комплексов, выполняющих роль аттракторов в процессе национального строительства. То есть содержание опорных категорий национального самосознания представляет не застывшую сущность, а сложно заданную переменную (переменной является и семантическая наполненность каждой отдельно взятой категории). Поэтому объектом управляющего воздействия должны выступать не категории культуры как таковые и связанные с ними ценностные структуры сами по себе, а их конкретное наполнение. Это и есть та подвижная периферия, которая в структуре культурной организации отличается наибольшей стохастичностью.

Рутинно-формалистский подход к использованию категорий национальной культуры в практиках публичной политики ведет к их функциональному вырождению и нарушению референтных связей данных категорий с наличными ценностными представлениями. Как следствие, происходит девальвация всего политического дискурса, чреватая деконструкцией системы идейно-нравственных представлений, служащих фундаментом национальной идентичности. По сути, речь идет о новой итерации бытийного разрыва, точнее – о его социально-политическом измерении. Поэтому первостепенное внимание в деле конструирования и управления коллективной идентичностью должно быть уделено проблеме смысловотворчества, которое единственное обеспечивает содержательное наполнение коренных культурных понятий. Тем самым формируется система символических координат, по которым выстраивается среда, обеспечивающая коммуникацию между агентами социально-политического процесса.

М. Фуко предлагал рассматривать понятийный аппарат конкретной культуры как совокупность объектов, которые формируются и существуют по правилам и в условиях соответствующей дискурсивной формации [16, с. 93]. Дискурс в данном случае – это не единственно набор высказываний, но социальная практика, созидающая и конституирующая реальность. Производство дискурса активно задействует механизмы контроля, отбора, организации и перераспределения, основанные на «некотором числе процедур, функция которых – нейтрализовать его (дискурса – Н. Т.) властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события» [17, с. 51]. Иными словами, управление дискурсивными практиками сопряжено с упорядочением стихийного процесса порождения и преобразования смыслов, наполняющих общественное сознание. Это работа, направленная к снижению энтропии внутри системы культуры. Учреждение желаемого порядка в смысловом поле служит утверждению практик соответствующего целеполагания. Фуко подчеркивает, что дискурс – это «то, что является объектом желания <...> то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть» [17, с. 52]. Применительно к проблематике управления общественным сознанием и идентичностью это означает наличие функциональной взаимосвязи между практиками дискурсивного воздействия и широкой мобилизации общественных ресурсов, прежде всего – ресурса человеческого. Это обусловлено тем, что решающее воздействие на умы «является привилегией все-таки символического, а не экономического контроля» [9, с. 52–53].

Контролируемое производство дискурса на уровне публичной политики предполагает выстраивание корпуса идеологов, отсылающих к содержанию смыслового ядра культуры, обретающих в нем опору и прокладывающих пути к осуществлению виртуальных концептов национальной идентичности. Таким путем обретает свою качественную определенность семантический каркас общественного сознания, происходит образно-словесная фиксация ведущих культурных смыслов, определяющих общие параметры национальной идентичности.

Заключение. Коротко обобщим выводы, нашедшие отражение в статье. Фундаментальное противоречие, служащее отправной точкой социально-культурной эволюции, определено нами как бытийный (онтологический) разрыв. Данная категория раскрывает одну из важнейших особенностей человеческой природы и призвана служить опорной точкой теоретических разысканий о складывании идейных представлений, регулирующих коллективное бытие современного общества. Система культуры служит посредником (своего рода мембраной) между индивидом (как формой субъективного бытия) и средой (как бытием объективным). В приложении к проблеме бытия национальных коллективов эта дихотомия отражает соотношенность национального субъекта со всемирно-историческим процессом посредством обретения и поддержания обществом определенной идентичности. Конструирование нации как коллективного субъекта происходит посредством реализации дискурсивных стратегий,

задачей которых является смысловое насыщение и актуализация системы культурных категорий, определяющих содержание коллективного сознания. Управление общественным сознанием есть процесс непрерывного конструирования системы виртуальных сущностей, принадлежащих области идеально-возможного. Содержанием данного процесса является насыщение коренных категорий национальной культуры конкретными смыслами, которые служат руководящими установками мышления и поведения людей.

Список литературы

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Кучково поле, 2016. 416 с.
2. Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб. : Университетская книга, 2006. 728 с. (Культурология. XX век).
3. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с. (Studia historica).
4. *Бордюгов Г. А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М. : АИРО-XXI, 2011. 256 с. (Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ).
5. *Буданов В. Г.* Методология синергетики в постнеклассической науке и образовании. Изд. 3-е, доп. М. : ЛКИ, 2009. 240 с. (Синергетика в гуманитарных науках).
6. *Бурдье П.* Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.
7. *Гириц К.* Интерпретация культур. М. : РОССПЭН, 2004. 560 с. (Культурология. XX век).
8. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Искусство, 1984. 350 с.
9. *Дейк Т. А. ван.* Дискурс и власть: Репрезентация и доминирование в языке коммуникации. М. : ЛИБРИКОМ, 2013. 344 с.
10. Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, А. Липмана. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 648 с.
11. *Канетти Э.* Масса и власть. М. : Ad Marginem, 1997. 527 с.
12. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М. : Наука, 1985. 535 с.
13. *Малинова О. Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
14. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. Изд. 2-е, испр. М. : Смысл ; Альпина нон-фикшн, 2011. 496 с.
15. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. М. : Прогресс, 1994. 512 с.
16. *Фуко М.* Археология знания. СПб. : Гуманитарная академия, 2004. 416 с.
17. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М. : Касталь, 1996. 448 с.
18. *Хирш Ф.* Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 472 с. (Historia Rossica).
19. *Хьюбнер К.* Нация: от забвения к возрождению. М. : Канон+, 2001. 400 с.
20. *Щедровицкий Г. П.* Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. 800 с.

Formation of National Identity: Ontology of Cultural Context and Management

N. V. Tikhomirov

PhD in Historical Sciences, Russian State University for the Humanities.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-2808-3763. E-mail: tikhomirov_n@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the ontological foundations of the formation of national identity in modern mass society. The complex of problems related to the development of ideas about the essence of the nation as a cultural phenomenon and a subject of the political process, the goals and objectives of social management is actualized. The issues of the formation of national identity, structural and substantive foundations of this process are considered. A systematic analysis of the concepts of "culture", "identity" and "nation" in their correlation with these tasks is carried out. The content of the category "existential (ontological) gap" is revealed as reflecting the fundamental contradictions underlying the formation of socio-political communities (civil nations). The essence of culture as a mediator in overcoming the fundamental contradictions of individual and collective existence is analyzed. The main stages of the formation of national identity in the context of building discursive models and semantic saturation of the basic categories of national culture are identified and considered. The key aspects of the process of content filling of the field of national identity as a product of complex cultural evolution are shown. The work is based on the principles of interdisciplinary research, methods and provisions of systemic philosophical analysis, social philosophy, cultural and social anthropology,

discursive analysis are involved. The presented conclusions are intended to deepen the scientific understanding and theoretical understanding of the problems of humanitarian management in modern society. The results of the research can be used as a foundation for further research in the field of social and political philosophy, cultural studies and social anthropology, as well as for the development of strategies and practical recommendations in terms of providing applied tasks of social and cultural management.

Keywords: existential gap, discourse, ideology, culture, national identity, governance.

References

1. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneniі nacionalizma* [Imaginary communities: Reflectios on the origins and spread of nationalism]. M. Kuchkovo pole (Kuchkovo field). 2016. 416 p.
2. *Antologiya issledovaniy kul'tury. T. 1. Interpretaciya kul'tury* – Anthology of Cultural studies. Vol. 1. Interpretation of culture. SPb. Universitetskaya kniga (University Book). 2006. 728 p. (Cultural studies. XX century).
3. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. M. Languages of Slavic culture. 2004. 368 p. (Studia historica).
4. Bordyugov G. A. *"Vojny pamyati" na postsovetском prostranstve* ["Memory wars" in the post-Soviet space]. M. AIRO-XXI. 2011. 256 p. (Historical policy and memory policy in the USSR, the Russian Federation and the CIS).
5. Budanov V. G. *Metodologiya sinergetiki v postneklassicheskoy nauke i obrazovanii. Izd. 3-e, dop.* [Methodology of synergetics in postnonclassical science and education. 3rd ed., add.] M. LKI. 2009. 240 p. (Synergetics in the humanities).
6. Bourdieu P. *Prakticheskij smysl* [Practical sense]. SPb. Aleteya. 2001. 562 p.
7. Girtz K. *Interpretaciya kul'tur* [Interpretation of cultures]. M. ROSSPEN, 2004. 560 p. (Cultural studies. XX century).
8. Gurevich A. Ya. *Kategorii srednevekovoy kul'tury. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Categories of medieval culture. 2nd ed., corr. and add.] M. Iskusstvo (Art). 1984. 350 p.
9. Deik T. A. van. *Diskurs i vlast': Reprezentaciya i dominirovanie v yazyke kommunikacii* [Discourse and power: Representation and dominance in the language of communication]. M. LIBRIKOM. 2013. 344 p.
10. *Istoricheskaya politika v XXI veke* – Historical politics in the XXI century / ed. by A. Miller, A. Lipman. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Review). 2002. 648 p.
11. Canetti E. *Massa i vlast'* [Mass and power]. M. Ad Marginem. 1997. 527 p.
12. Levi-Strauss K. *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. M. Nauka (Science). 1985. 535 p.
13. Malinova O. Yu. *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti* [The actual past: The symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity]. M. Political Encyclopedia. 2015. 207 p.
14. Maslow A. *Novye rubezhi chelovecheskoj prirody. Izd. 2-e, ispr.* [New frontiers of human nature. 2nd ed., corr.] M. Smysl (Sense) ; Alpina non-fiction. 2011. 496 p.
15. Nietzsche F. *Tak govoril Zarathustra* [Thus spoke Zarathustra]. M. Progress. 1994. 512 p.
16. Foucault M. *Arheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. SPb. Humanities Academy. 2004. 416 p.
17. Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality]. M. Castal. 1996. 448 p.
18. Hirsch F. *Imperiya nacij: Etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soyuzа* [Empire of Nations: Ethnographic knowledge and the formation of the Soviet Union]. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Review). 2022. 472 p. (Historia Rossica).
19. Hubner K. *Naciya: ot zabveniya k vozrozhdeniyu* [Nation: from oblivion to rebirth]. M. Canon+. 2001. 400 p.
20. Shchedrovitsky G. P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. M. School of Cultural Policy. 1995. 800 p.